

кухней и комнатой. Встретила она нас приветливо.

Пока то да сё, поджарились картошка со свиным салом на большой сковороде. В эмалированной чашке появились солёные огурцы, а рядом мочёная брусника, грибы...

Да и мы приехали не с пустыми рюкзаками — закуски всякой вволю и, конечно же, водка. Старушка поела тихонько, как кролик, вместе с нами и полезла на печь, на лежанку. Туда Раиса отправила и трёхлетнего сынишку. А мы подналегли на выпивку и закуску, ибо недостатка ни в том, ни в другом не было.

Раиса раздумянилась, тёмные её глаза стали глубже, таинственнее. Брови вздрогнули поднимались в удивлении, когда она слушала нашу очередную байку. Сама о себе она говорила мало. Мы лишь узнали, что её муж отбывает третий год судимости за пьяную драку с поножовщиной, что живёт она только своим хозяйством, так как работы никакой нет. Летом выручают грибы и ягоды, которые она выносит на себе к большой автотрассе (это почти километров десять), а зимой управляется с овцами да курами.

Я глядел на неё и глядел. Здоровая, сильная женщина с красивым лицом, белозубая и яркогубая, ей бы где-нибудь в иных местах блистать, а судьба закорючила в глухомани. Иные эстрадные «бабочки» не шли с нею ни в какое сравнение. Жизненный обман — да и только! По-хорошему, так ей — этой жизни — надо было бы всё поменять местами. Но что было, то было.

Я почему-то представил Раису с рюкзаком за плечами, шедшую по травянистому просёлку к трассе и думавшую горькую думу: как выжить? Как не дать загаснуть раньше времени матери-старухе и малолетнему сыну? Как?..

А застолье кипело. Шустрый Андрей уже подвигался к Раисе ближе и ближе, а она распахивала глаза на меня, и в их глубинной черноте не было никакого проблеска, никакого зовущего огонька. Тёмный тоннель — да и только. Без края и конца.

— Вовка-то — мужик что надо, — узрел её долгий взгляд Андрей и потянулся за бутылкой, — и холостой. Глядишь и засва-тает.

— Хи-хи-хи да ха-ха-ха.

А Раиса ещё больше румянилась, и так шли ей эти розовеющие щёки, так оживлялись, что казалось, дотронься до них, и кровь брызнет. Не от такого ли румянца

пошло изречение «кровь с молоком»? «Хороша Маша — да не наша», — проскользнуло знакомое в хмельной голове, и сразу же вспомнился мой душевный позор месячной давности у егеря. «Здесь тебе и вовсе могут посчитать рёбра, — гнулись к осторожности мысли, — крутые староверы со своими установками не чета какому-то там егерю, а у Раисы наверняка здесь родня имеется, или, ещё накладнее, у её мужа? Они-то не простят блуда. Да и перед человеком, поручившимся за нас в записке, будет неприятно». И хотя я вроде бы никого и ничего не боялся, а всё же чувство меры в таких делах знал. И отрадно было ловить на себе ласковый взгляд привлекательной женщины, любоваться её мягкими движениями, совершенством фигуры, голосом...

* * *

Меня с Андреем Раиса определила в комнату, на кровать, а остальным стала устраивать постель на кухне — между столом и пристенной лавкой. На пол кидали старые шубы, а на них разворачивали спальные, нашлись и подушки...

Пока колготились на кухне, Андрей успел раздеться до исподнего белья и завалился на кровать, к стенке. Минута, две, и он легонько захрапел. А я сторожился чего-то, тихо раздеваясь и укладывая одежду на ближний стул, чего-то ждал.

Напротив нашей белела покрывалом и подушками ещё одна кровать. До неё можно было дотянуться рукой, и мне подумалось, что на ней будет спать Раиса, и что-то дрогнуло в груди от налётных мыслей, кольнуло сердце. «Ну, нет, засупонься и глотай слюнки. Один раз уже петушился!..».

Не успел я задремать, раскручивая хмельные думки и томясь непонятным ожиданием, как на кухне погас свет. Послышались лёгкие шаги, и что-то белое, колышущееся проплыло перед глазами.

Снег за окном отражал неуловимый взору отсвет, и я, скосив глаза, разглядел Раису в ночной сорочке. Она остановилась как раз напротив моего лица и какое-то время глядела на окно, распуская волосы. А я застыл, как мышь перед кошкой.

Тук, тук — ошутимо забилося сердце, задрожало тело мелкой зыбью. Мысли потухли. Перед глазами поплыл только белый спад ночной сорочки.

А Раиса вдруг потянула с себя и заслонившую мой взор сорочку, и всё остальное и кинула на спинку своей кровати. И вот она — от плеч до щиколоток — в охвате мо-

его напряжённого взгляда: голова и лицо закрыты густыми волосами, округлые плечи и руки, тонкая талия с плоским животом, изогнутые формы бедра... Я даже зажмурился на миг — так не поверилось в увиденное. «Не с пьяна ли? — проклюнулась мысль. — Но откуда тогда эти высокие ноги отменного рисунка? Манящий разворот всего тела? Лёгкое тепло, идущее от него, и едва уловимое дыхание?». Я как бы одурел от накатного жара и смотрел на обнажённую женщину, как на явное чудо, замирая не то от странного блаженства, не то от какого-то испуга. «Зачем она это сделала? — слабо промелькнул в затуманенном сознании наивный вопрос. — Ведь в доме не так жарко? Привычка? Может, она всегда так спит и думает, что мы уже отключились — вон Андрей как похрапывает?».

А Раиса неторопливо, плавными движениями наклоняя голову, стала укладывать в завязь волосы, выгибаясь в талии с выпячиванием ёмких грудей, да ещё и в мою сторону.

Растворился я в море потаённого созерцания, пожух, как сорванный лист лопуха под ярким солнцем. Лишь в глубине души что-то дрожало, вынырившая желанная дотянуться до этого чуда, ощутить его реальность, но в памяти вновь мелькнул эпизод моего неудачного хождения в женскую светёлку тогда, зимой, и тот ожог души, тот позор отринутой вождленности удержал меня в неподвижности, гася в зародыше искорки тайных желаний. «Вдруг Раиса поднимет такой же шум, что и Вера? — заплесали тревожные мысли, вызванные, скорее, действием изрядно принятого алкоголя, чем осознанием неблагоприятности возможного поступка. — А кому нужен этот позорный скандал, да ещё и в непростой деревне?». И я, сдерживая дыхание, не мог осилить ни смущённости духа, ни подспудной скованности, чтобы протянуть руку и коснуться этого восхитительного, манящего в небытие тела. Каким-то образом я улавливал, что Раиса понимает, что я не сплю и таюсь, но не показывает вида, а протяни ладонь — и вот моя голова — не то в ознобе, не то в жару. «А если она меня коснётся?! — промелькнуло в сознании нечто близкое к смятению. — Что тогда?!». Завертело, закудесило! В душе я и хотел, чтобы это касание произошло, и боялся его. Мысли как бы сошлись в неумном переплесе с чувствами, сплелись в противоборстве, и никто из них не мог подняться выше другого.

А Раиса вдруг шумно вздохнула и быстро юркнула к себе под одеяло. Я видел теперь лишь густую кудельку чёрных волос да белое одеяло и всё. Чудо исчезло.

Ещё что-то шатало мою душу, закручивало — сыграть или не сыграть? Но уже тише и тише — момент был упущен, хотя всё ещё можно было поправить, вернуть, но уже сон закатывал сознание. Гасла реальность, опрокидывая меня в иное пространство, иное измерение, иной мир.

* * *

Разбудил меня Андрей ранним-рано. В окне едва брезжило утро. В кухне горел свет, и там переговаривались наши приятели. Голоса Раисы не было слышно, и на кровати её не было.

— Ты что-то заспался? — с явным намёком кинул один из моих приятелей и подмигнул.

Я промолчал.

Раиса ставила на стол остатки вчерашнего ужина. Лицо непроницаемое, без веселючки.

— Ешьте, ребята, — проговорила она, — и чтобы я больше вас у себя не видела.

Мы переглянулись.

— Обиделась что ли на что? — с наивной ноткой в голосе спросил Андрей.

— Я сказала, — Раиса повернулась и ушла в комнату.

Все поглядели на меня. Кто вопросительно, кто с укором. И мне вновь, как тогда у егеря, стало не по себе, стыдно, но теперь это чувство было иным — его плавила горечь вины, осознание невозвратной утраты. «Такую женщину обидел! — как в колокол гукнуло в голове. — Такой божий дар упустил! Он, может быть, и даётся свыше раз в жизни. А не взял — больше не жди...». Мысли, мысли. Душевный надлом. Даже на охоту не захотелось.

И уже там, по дороге в леса, сотоварищи всё пытали меня: как да что? «Не потянул что ли, ослаб "в коленках"?» — иронизировали они. И пришлось рассказать всё о своём неприятном грехе. И ещё потом долгое время мне не верилось, что это было, что передо мной стояла оголённая женщина с прекрасным телом, а я пугался в кружеве мыслей и чувств и не мог одолеть самого себя. Не верилось, но это было, и был накат чарующего состояния с ощущением чуда, которые вряд ли можно повторить каким-либо образом. А поступи я иначе, и не было бы ни того, ни другого, ни тёплых воспоминаний, осветляющих душу.

«Я не глажу свои стихи...»

Вячеслав Ложко, действительно, свои строчки «не гладит», не наводит поэтический лоск в угоду лишь эстетике формы. Его стихи порой напоминают работу каменотёса, где поэт не «шлифует» слова в строке или не только «шлифует», а в каких-то местах будто «вбивает» или «ворочает», как камни.

Автор делает это намеренно, поскольку именно так получается предельная точность. И в этом сочетании — «каменотёса» и «скульптора» — его поэтическая эстетика. Она дана Вячеславу Ложко природой, и поэт понимает, что если пойдёт другим путём, то изменит себе в угоду несвойственной ему красоты формы.

Произведения Вячеслава Ложко читаю давно и внимательно, поэтому сразу чувствуется, насколько точно выразил он свою суть в строчке стихотворения, которое включил в новую книгу «Зёрна слов в сердца бросаю». Здесь и гражданская лирика, и философская, и любовная, но о чём бы он ни писал, все его произведения можно объединить одной мыслью: «Поэт кричит о том, что душу жжёт...». Это жизненная философия, а следовательно, и поэтическое кредо автора, которому он не изменяет.

На долю Ложко выпали суровые испытания. Но он не утратил свет своей души. Даже в самых горьких размышлениях у него всё равно всегда найдется нотка тепла, сострадания и ответственности перед людьми и самой жизнью как главного дара человеку: «Живи, чтоб светом стать, / И обогрей к тебе пришедших...»; «Мы рождены, чтоб свет дарить / И силы лишь на это тратить...»; «За слово надо отвечать. / Знай, это есть достоинство мужчины...».

Обострённое чувство справедливости закрепилось в поэте с детства, о котором он вспоминает: «Я часто дрался во дворе, / Но благодарен той поре — / Я крепче становился...». И в то же время такие «уроки» его не озлобили. Напротив: «Идеалист я по рождению...».

Может быть, идеализм Вячеслава Ложко основан на том, что с возрастом поэт начинает понимать: «Всё годы расставил точно, / Друзей и врагов развеял...». Но при этом чувствует: «Оброс я друзьями-врагами, / И день превращается в ночь...».

Сочетание же доверчивости, обострённого чувства справедливости, пришедшей с годами мудрости, даёт возмож-

ность точно определить суть происходящего в далеко не совершенном обществе.

Хотя, в каком бы возрасте ни находился поэт, каким бы мудрым ни был, он всегда — мечтатель. Мечтатель, вне зависимости от того, что XXI век всё больше ожесточается и всё больше выказывает своё равнодушие к человеку. Наверное, поэтому у того, кто рождён поэтом, так сильно выражено стремление к свету. Как ответная внутренняя реакция, оно неистребимо: «Пускайте в сердце яркий свет, / Добром поглядите ваши души...».

Размышляя о вечном с высоты прожитых лет, поэт неустанно твердит, что дорожить нужно каждым мгновением: «...Долго ль быть нам на планете? Каждому отмерен срок...».

В 12 разделах нового стихотворного сборника Вячеслав Ложко рассказал нам, наверное, обо всём, что пережил в течение долгой жизни, к каким выводам пришёл, что думает о современном состоянии общества. Поэтому поздравляю поклонников его творчества с возможностью в очередной раз ощутить ёмкость поэтических размышлений мудрого человека.

Григорий БЛЕХМАН